

Питер Гринуэй вышел на «Ночной дозор»

проект юбилей

Коммерсантъ. — 2006. — 14 янв. — с. 8

Вместе со всем художественным миром великий британский режиссер Питер Гринуэй отмечает в этом году 400-летие великого голландского художника Рембрандта ван Рейна. Но в отличие от всего мира, делающего это в сдержанно музейно-академических тонах, Гринуэй размахнулся во всю мощь всех своих многочисленных талантов. Его проект — это опера, фильм, театральное действие и выставка, которые пройдут летом—осенью 2006 года. Все они будут посвящены самой странной и самой спорной картине Рембрандта — «Ночному дозору». Рассказывает КИРА ДОЛИНИНА.

Картина, написанная Рембрандтом в 1642 году и представляющая собой групповой портрет роты амстердамских стрелков, получила название «Ночной дозор» (по-английски — «Nightwatch»). Опера и фильм Питера Гринуэя озаглавлены «Nightwatching» — словом, на русский труднопереводимым, но отсылающим к процессу «вглядывания», «всматривания» в ночь, написанную Рембрандтом. Собственно, к этому Гринуэй и собирается привлечь своих зрителей. И если опера — это фантазия на тему развернувшихся в постели любовно-матримониально-домашних разборок Рембрандта с тремя главными

Питер Гринуэй решил снять свой «Ночной дозор» — по Рембрандту, а не по Лукьяненко ФОТО REUTERS

женщинами его жизни, Саскией, Гертье и Хендрикке, то фильм обещает уже не только любовно-ревность-страдания-метания, но и настоящий детектив.

Действие фильма будет пересказывать от 1642 года, когда

художник под нажимом своей беременной жены Саскии принял почетный, но почему-то заранее тяготящий его заказ на групповой портрет членов Гильдии амстердамских стрелков, к 1654 году, когда то во снах, то на

яву Рембрандт будет вспоминать события, развернувшиеся в связи с этой картиной. С картиной, как вы понимаете, все оказывается совсем не просто. И не потому, что, как думали до сих пор искусствоведы и их чи-

татели, своей необычностью, угловатостью композиции, странным, непарадным освещением и некрасивостью лиц она не понравилась заказчикам, а потому, что, по Гринуэю, она была задумана художником как обвинительный акт против тех, кто на ней был изображен. Там, за картиной/сценой осталось убийство капитана роты, и расследовавший вместе со своими друзьями и учениками Фердинандом Болом, Герритом Доу и Карелом Фабрициусом эту историю Рембрандт зашифровал в своей картине обвинение спесивым, продажным, развратным убийцам.

Дальше — больше. Отказ гильдии принять картину также произошел не по причинам художественного свойства, а потому, что убийцы «прочитали» в ней послание художника. С тех пор все беды и несчастья, павшие на голову такого счастливого в начале истории Рембрандта, оказываются делом рук мстительных стрелков. Саския, правда, умирает сама, но уже нянька рембрандтовского сына Титуса Гертье оказывается в хозяйской постели по наущению врагов, финансовые и социальные неурядицы инспирированы ими же, они же пытаются повлиять на следующую любовь Рембрандта — Хендрикке, унижая ее, беременную, но не венчанную, церковным судом...

И еще слепота. Слепота, страх которой мучает Рембрандта весь фильм и которая в конце то ли остается в его снах, то ли переходит в реальность как итог темных планов стрелков-убийц.

С фактологической точки зрения вся эта история, довольно густо замешанная на тех немногих реальных фактах из жизни Рембрандта, которые вообще известны нам по документам, конечно, сушая выдумка — этакий «Код да Рембрандт». Однако дело не в сюжете, дело в исполнении. Детективов у Гринуэя было уже немало. Были и истории о художниках. Была даже опера о Вермеере, где художник, о котором, надо сказать, известно еще меньше, чем о Рембрандте, метался между тремя женщинами: они пели, писали письма и опять пели, и глаз было не оторвать. «Ночной дозор» как источник света и тьмы, загадки и восхищения, красоты и ужаса — вот история, которую собирается рассказать Гринуэй. Ради этой истории все и задумано: детектив в фильме, житейская драма в опере, игры света и тени в живых картинах, которые поставит режиссер для одноименной выставки в амстердамском Рийксмузеуме в июне этого года на фоне самой картины, породившей все эти фантазии. Картины странной, далеко не самой у Рембрандта прекрасной, но отменно мифологизированной.